

Иван Погонин

Бриллианты
шталмейстера

Иван Погонин

Бриллианты сталмейстера

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Погонин И.

Бриллианты шталмейстера / И. Погонин — «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-110392-7

В сборник вошли два романа Ивана Погонина, главный герой которых – сыщик Мечислав Кунцевич – из небольшого криминального эпизода выходит на крупные дела. «Бриллианты шталмейстера» – о похищении драгоценностей и убийстве отпрыска высокопоставленного царедворца. «Белое золото» – о махинациях торговцев сахаром. Ретродетективы Погонина, как всегда, отличаются пристальным вниманием к деталям, соответствием духу времени, исторической достоверностью.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-110392-7

© Погонин И., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Бриллианты шталмейстера	6
Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	24
Глава 6	28
Глава 7	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Иван Погонин

Бриллианты шталмейстера

Сборник

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Погонин И., 2020

© Барбышев Ф., иллюстрация на переплете, 2020

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2020

Бриллианты шталмейстера

Пролог

Санкт-Петербург, октябрь 1901 года

Горничная открыла дверь, приняла и повесила на вешалку котелок, помогла снять пальто.

– Пол в парадной ужасно грязен! – сказал Кунцевич, высвобождая руки из рукавов. – Ты бы помыла.

– Парадная не моя забота, – проворчала прислуга. – Моя обязанность – в квартире убираться, а в парадной полы пусть швейцариха моет.

– Ну так скажи ей.

– Так нешто станет она меня слушать! Вы бы сами ей сказали, барин.

Кунцевич поморщился, поправил перед зеркалом галстук и пошел в гостиную.

– Ужинать будете? – спросила вслед горничная.

– Скажи Матрене, чтобы через десять минут накрывала. Барыня дома?

– Дома я, дома. – Елизавета вышла из спальни. – Где ж мне быть, коли не дома?

Мечислав Николаевич чмокнул свою беззаконницу в обнаженное плечо и устало опустился в кресло.

– Как дела на службе?

– А, – чиновник махнул рукой, – ну ее, не спрашивай.

Через полтора часа он лежал в кровати, прислонившись к теплему боку сожительницы.

– Ты ничего не забыла?

Лиза молча погладила его по волосам.

– Ну и славно. Туши огонь.

Из квартиры он вышел ровно в половине десятого. Только ступил на первую ступеньку лестницы, как увидел поднимавшегося мастерового с деревянным ящиком с инструментами.

– Вы почему по парадной, любезный? – нахмурился Мечислав Николаевич.

Мастеровой, ничего не ответив, улыбнулся, поставил ящик на ступеньки и достал из кармана тужурки револьвер.

Кунцевич развернулся и ринулся к двери своей квартиры. Вслед ему один за другим прогремели три выстрела.

Глава 1

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ

Господину Директору Департамента полиции

Начальника

С.-Петербургской сыскной полиции

статского советника Чулицкого

РАПОРТ

15-го сего мая в С.-Петербургскую сыскную полицию вместе с сопроводительным письмом от Вашего превосходительства поступило заявление члена Государственного Совета шталмейстера Высочайшего двора В. И. Давыдова о том, что он, желая передать жене своей Софии Порфирьевне, живущей с недавнего времени от него отдельно, принадлежащие ей драгоценные вещи, хранившиеся в безопасном ящике в Волжско-Камском банке, обнаружил пропажу самых дорогих бриллиантовых вещей на сумму приблизительно до 120 000 руб.

Для расследования этой кражи мною, по Вашему указанию, на место происшествия командирован чиновник для поручений коллежский секретарь Кунцевич...

– Тпру! – натянул поводья «ванька», и пролетка остановилась у роскошного трехэтажного особняка в Витебском переулке.

Мечислав Николаевич был принят незамедлительно. Шталмейстер изволил пожать ему руку и предложил кофе. Коллежский секретарь отказываться не стал.

– Сергей Эрастович отрекомендовал вас как весьма способного в своем деле чиновника, – сказал Давыдов после того, как лакей, разлив кофе по чашкам, удалился.

– Я весьма польщен столь лестной характеристикой его превосходительства и постараюсь полностью оправдать оказанное мне директором Департамента полиции доверие. – Мечислав Николаевич скромно потупился.

– Замечательно. С чего вы собираетесь начать розыски?

– Для начала мне необходимо расспросить вас о произошедшем.

– Но я же все довольно подробно изложил следователю...

– И все же мне самому хотелось бы услышать об обстоятельствах кражи непосредственно от вас.

– Ну хорошо, коли так надо, то я готов еще раз изложить факты, – в голосе царедворца послышались едва заметные нотки раздражения.

– Благодарю, вас, ваше превосходительство. Итак... Похищенные ценности вам не принадлежат?

– Да. Это собственность моей супруги. Мы некоторое время не живем вместе...

– Не сочтите за дерзость, ваше превосходительство, и позвольте полюбопытствовать, по какой причине?

– Вам это обязательно знать? – Шталмейстер уже не пытался скрыть раздражения.

– Доводилось ли вам когда-нибудь серьезно болеть, ваше превосходительство? – неучтиво, вопросом на вопрос, ответил чиновник для поручений.

– Что? – растерялся Давыдов.

– Я говорю, не случилось ли у вас или, может быть, у кого-нибудь из близких вам людей такой серьезной болезни, которая требовала бы незамедлительного вмешательства доктора?

– Случалось, но при чем здесь...

– Прошу прощения. Теперь скажите, когда являлся доктор, рассказывали ли вы ему обо всех симптомах вашей болезни, даже самых неприятных, или из чувства скромности умалчивали?

– Врачу надобно говорить все!

– Так вот, сейчас врач для вас – я. И мне тоже надобно говорить все, о чем бы я ни спрашивал. Я ведь не из праздного любопытства вашей личной жизнью интересуюсь, а исключительно для пользы дела. Ведь у нас с вами цель одна – отыскать драгоценности вашей супруги. Вы уж поверьте, все, что мне нужно, я все равно узнаю, даже если вы откажетесь отвечать на мои вопросы, только для этого понадобится больше времени. А за это время и похищенное, и похититель могут удалиться так далеко, что сыскать их мы будем лишены всякой возможности. Со своей стороны, обещаю все, что вы мне скажете, сохранить в глубочайшей тайне, если, конечно, это не будет противоречить интересам дела. Решайте, ваше превосходительство, быть вам со мной откровенным или нет.

Давыдов на минуту задумался. Потом нехотя сказал:

– Загуляла моя Софья Порфирьевна. И ладно бы наставляла мне рога с человеком нашего круга, так ведь с плебеем, стерва, сошлась! Представляете? В феврале я об этом узнал, у нас с супругой произошел разговор, после которого она покинула этот дом... Третьего дня она попросила меня передать ей ее украшения. Видать, денежки у них с милым дружкой кончились. – Губы шталмейстера искривила презрительная улыбка.

– А почему она сразу их не забрала?

– Мы расставались очень... очень... Эх, как врачу так как врачу! До драки у нас дошло при расставании. Не до вещей ей было, еле ноги унесла. Кхм. Погорячился я тогда. Ее же с любовником сын застукал! – Давыдов пробормотал еще что-то, но конец фразы Кунцевич не расслышал. – За платьями своими она ломовика прислала через два дня после бегства, их на двух подводах вывозили! А драгоценности ее я сдал на хранение в Волжско-Камский банк, они там лежали в безопасном ящике до вчерашнего вечера, покуда я их оттуда не забрал. Сегодня утром ко мне явился поверенный моей жены. При нем я вскрыл пакет и сразу же обнаружил пропажу самых дорогих вещей.

– Что конкретно пропало?

– Диадема, кольцо, серьги, браслет – все вещи с крупными бриллиантами. Много других украшений, я передал следователю подробную опись. Впрочем, у меня есть копия. – Генерал взял со стола лист бумаги и протянул сыщику: – Вот, пожалуйста. Всего на сто двадцать тысяч.

Мечислав Николаевич пробежал глазами список похищенного и продолжил допрос:

– Вы говорите, что вещи находились в пакете. Что это за пакет?

– Видите ли, драгоценности Софьи лежали в особом несгораемом шкафу в ее будуаре. Ключ от этого шкафа у меня был. Для пущей сохранности я решил перевезти драгоценности в банк. Я открыл шкаф и увидел, что украшения лежат там без футляров. Я позвал на помощь сына Илью. Он принес коробки из-под конфет, – Давыдов улыбнулся, – он у меня сладкоежка. Мы завернули каждую вещь в тонкую бумагу, разложили их по коробкам, коробки Илья составил вместе, обернул бумагой и обвязал бечевкой. Получился довольно большой плоский пакет. Этот пакет я положил уже в свой несгораемый шкаф, он находится в моей спальне, вделан в стену. Позже я отвез пакет в банк.

– Позже – это когда? На следующий день?

– Нет. На следующий день я уехал по делам в Вильно и пробыл там с неделю, а ценности поместил в банк дня через два по возвращении. Точной даты не помню, об этом можно справиться в банке.

– Оставшиеся драгоценности вы жене передали?

По лицу шталмейстера пробежала судорога:

– Она их не принимает... Судом грозит... Вором меня прилюдно обзывает. Найдите бриллианты, Мечислав Николаевич, Христом-богом прошу! – На глазах у генерала появились слезы.

– Я постараюсь, ваше превосходительство. А где оставшиеся драгоценности? Снова в банк положили?

– Да вы что? Неужто я стану снова вору имущество отдавать? – Шталмейстер аж подпрыгнул.

– То есть вы полагаете, что украшения были украдены именно из банка?

– А откуда же? – возмутился Давыдов.

– Но Волжско-Камский банк пользуется безупречной репутацией...

– Однако ж обокрасть меня это им не помешало!

– А почему вы не допускаете того, что вещи были похищены из вашего дома?

– А вот не допускаю, милостивый государь! Не допускаю! – Голос генерала налился металлом. – Некому-с у меня их красть. Все мои люди у меня на службе по двадцать лет состоят и не к таким ценностям доступ имели, однако никогда и на копейку не позарились. Или вы считаете, что это я сам у себя украл?

– Конечно же, я так не считаю, ваше превосходительство! Позвольте пояснить, почему я осмелился задать вам этот вопрос. Я уже сравнивал свою службу с докторской, сравню и еще раз. Мы, сыщики, расследуя преступления, должны проверить и отбросить все версии, кроме единственно правильной, так же как и доктор, узнав об имеющихся у пациента симптомах, поочередно исключает все болезни и начинает лечить именно ту, которой пациент страдает. Поэтому разрешите задать еще несколько некорректных на первый взгляд, но вынужденных, исключительно вынужденных вопросов. Где хранился ключ от того несгораемого шкафа, в котором находились драгоценности вашей супруги до отправки их в банк?

– Вот здесь. – Генерал похлопал себя по карману сюртука, а затем достал оттуда связку ключей, выбрал из нее один, внушительного размера, и продемонстрировал его сыщику. – Вот-с!

– Разрешите? – Мечислав Николаевич протянул к связке руку. Когда ключи очутились на его ладони, он покачал ею, взвешивая. – Ого! Неужели вы всегда при себе эдакую тяжесть таскаете?

Давыдов насупился:

– Не всегда, разумеется. Иногда держу их в письменном столе. Но ящик этого стола я всякий раз закрываю на ключ, а уж вот этот ключик всегда при мне, вот-с, вот в этом кошелечке! – Шталмейстер достал из другого кармана кошелек и вытащил оттуда небольшой плоский ключ.

– Понятно-с. Так где, вы говорите, оставшиеся драгоценности?

– В шкафу, в моей спальне.

– Позвольте взглянуть?

– Сделайте милость, – сказал генерал, поднимаясь.

Спальня старого вояки была небольшой, всего в два окна, комнатой. Обстановка также не отличалась роскошью: в простенке между окон большое зеркало, у противоположной от входной двери стены узкая деревянная кровать, покрытая серым солдатским одеялом. У другой стены – платяной и несгораемый шкафы и умывальник. В углу, у окна, помещался старинный, красного дерева письменный стол с бюро. У стола стоял мягкий венский стул.

Давыдов опять отделил от огромной связки нужный ключ, повернул его два раза в замке, открыл сейф, вытащил оттуда и поставил на стол стопку коробок из-под шоколадок.

– Вот-с.

Мечислав Николаевич внимательно оглядел импровизированные футляры для драгоценностей, затем достал из кармана лист со списком похищенного.

– «Пасхальное яйцо работы мастера Фаберже, подаренное моей супруге ее отцом сенатором П. А. Навруцким», – прочитал коллежский секретарь вслух. – Не могу понять, как яйцо могло поместиться в одну из этих плоских коробок? Или оно было меньше куриного?

– Два вершка вышиной и вершок с четвертью наибольшего диаметра! – с гордостью сообщил шталмейстер. – Естественно, что в такую коробку оно не помещалось. Я положил его в шкаф без упаковки.

– И в банк повезли неупакованным?

– Я... я не возил его в банк...

Глава 2

«Приступая при такового рода обстановке к производству дознания по делу кражи бриллиантов у шталмейстера Давыдова и имея в виду все изложенное, я должен был во избежание ложного шага быть крайне осторожным, но тем не менее сразу же отбросил всякое подозрение о возможности совершения этой кражи из безопасного ящика в Волжско-Камском банке кем-либо из служащих этого банка, а равно и при посредстве похищенного ключа от означенного ящика, так как контроль при допуске к означенным ящикам слишком строг; к тому же шталмейстер Давыдов лично хорошо известен администрации банка, посему доступ в банк кому-либо другому с его ключом был совершенно невозможен. Кроме того, нахождение среди похищенного драгоценного пасхального яйца, которое шталмейстер Давыдов, по его же словам, не передавал на хранение в банк, ярко подчеркивало, что кража бриллиантов совершена была дома из несгораемого шкафа...»

(Из рапорта чиновника для поручений СПб столичной сыскной полиции кол. секретаря Кунцевича.)

– Раз вы не клали яйцо в пакет и не отвозили в банк, то оно пропало не из банка, а из сейфа. Позвольте, я осматриваю ваш письменный стол?

Не дождавшись согласия, Мечислав Николаевич подошел к столу и подергал ящик. Он оказался заперт.

– Ключик, будьте любезны, – попросил сыщик, протягивая генералу руку. Тот безропотно отдал ключ.

Кунцевич отомкнул замок, вытащил ящик и водрузил его на стол. Сначала он внимательно осмотрел все стенки ящика, потом покрутил усы, достал из принесенного с собой саквояжа набор миниатюрных инструментов в кожаном чехле, вооружился отверткой и принялся колдовать над замком. Через пять минут замок покинул свое гнездо. Коллежский секретарь расстелил на столе услужливо поданную генералом газету и разобрал замок на части. Внимательно осмотрев замок, чиновник удовлетворенно хмыкнул:

– Да! А замочек-то открывали не только ключом, но и другим инструментом...

– Позвольте, это-то откуда вам известно? – удивился шталмейстер.

– Я брал уроки у сведуших людей. Вот-с, извольте взглянуть. – Мечислав Николаевич взял со стола замок и поднес его ближе к Давыдову. – Для того чтобы установить, отперт ли замок относящимся к нему ключом или же при помощи отмычки, его следует развинтить, поднять верхнюю крышку, что я уже и проделал, и внимательно осмотреть внутреннюю сторону нижней крышки. Дело в том, что в замке с течением времени накапливается грязь и пыль, которая пристает к внутренним сторонам обеих крышек, видите? – Шталмейстер кивнул. – Вследствие этого, – продолжал чиновник для поручений, – на крышке замка вполне отчетливо выделяется ход ключа, то есть та кривая линия, по которой при отмыкании и замыкании движется его борода. Вот-с взгляните. Видно?

– Да, да, – опять закивал Давыдов.

– Таким образом, если замок был отперт не своим ключом, то кроме обычного следа на нижней крышке на слое пыли образуется еще и ряд свежих царапин и черточек, которые мы с

вами сейчас и наблюдаем. Присутствие этих следов служит ясным доказательством, что замок открыт не своим ключом, а «иовой-дружбой»¹.

– Чем открывали?

– Отмычкой.

– Поразительно. Однако следователь мне про это ничего не говорил...

– А господин следователь вообще ваш стол осматривал?

– Нет, он только шкаф осмотрел и никаких следов взлома на нем не обнаружил.

– А их там и нет. Громила открыл ящик стола, достал оттуда ключ от шкафа и уже «родным» ключом открыл шкаф.

– Но как сюда мог попасть громила?

– А вот это будем выяснять. Но для начала мне надобно телефонировать в сыскную. Я, с вашего позволения, вызову сюда нашего фотографа. Он сделает снимки с замка.

– Для чего?

– Да уж «иова-дружба» больно приметная. Если мы найдем похожую, то при наличии снимков с полной достоверностью сможем определить, ею открывали ваш стол или нет.

– Да-с, целая наука! – восхитился генерал.

– На том и стоим. Сколько человек постоянно живет в доме?

– Сколько? – Шталмейстер задумался, закатил глаза и стал считать, загибая пальцы. – Я, сын, камердинер, повар, две горничные... одна, правда, с женой ушла... два лакея, дворник, кучер... Без меня и сына восемь человек получилось.

– Почему же без сына? С вашим сыном мне тоже надобно поговорить.

– К сожалению, теперь это сделать невозможно – он за границей.

– Давно уехал?

– 29 марта.

– Отдыхает?

– Нет, он там учится – в Дижоне, во Франции.

– Понятно. Тогда разрешите поговорить с прислугой.

– Конечно, конечно, я сейчас же распоряжусь.

– Но сначала мне надобно телефонировать.

– Телефон в комнате сына, идемте, я вам покажу.

Комната генеральского сына мало чем отличалась от покоев генерала и была обставлена также по-спартански – старик наследника не баловал. Телефон висел на стене, у входной двери.

– Илюша попросил аппарат у себя в комнате разместить, ему, знаете ли, барышни иногда звонят, и иногда поздно, так вот, чтобы нас с матерью не беспокоить... – улыбнулся Давыдов.

Мечислав Николаевич снял трубку, крутанул рожек и потребовал у незамедлительно откликнувшейся барышни соединить его с номером 31.

Через час Мечислав Николаевич в сопровождении городского заходил в дворницкую соседнего доходного дома. В донельзя грязном крохотном помещении, перегороженном пополам ситцевой занавеской, сидели четверо мужиков и неспешно обедали, поочередно загребая ложками из закопченного чугунка приятно пахнущее варево. На столе стоял опорожненный уже водочный полуштоф, из-за занавески раздавался плач ребенка и убаюкивающий бабий голос.

– Хлеб да соль, чай да сахар, – поздоровался коллежский секретарь, оглядев обедавшую публику строгим полицейским взглядом. – Который из вас слесарь-водопроводчик Скотников?

Белобрысый мужичонка с чухонской физиономией не донес до рта ложку.

¹ Так, по имени травки, которой приписывают в народе чудодейственную силу открывать все замки и запоры (иова-дружба, разрыв-травка), называется на воровском жаргоне поддельный ключ (Трахтенберг В. Ф. Блатная музыка. – СПб., 1908).

- Мы-с, ваше высокоблагородие, – сказал он, поднимаясь.
- Сыскная полиция. А ну-ка, покажи свой инструмент.
- Какой струмент?
- Которым ты генеральский стол открывал.
- Дык они сами... – пролепетал слесарь.
- Сами с усами, все вы так говорите. Давай показывай, а расскажешь потом. Ну, живо! Водопроводчик забрался под нары и вылез, держа в руках деревянный ящик.

Мечислав Николаевич достал оттуда набор ключей на большом металлическом кольце, пощелкал ими, перебирая, нашел нужный, весело хмыкнул и сказал Скотникову:

- Доедай давай, и на Офицерскую поедем.

Водопроводчик доедать не стал – видимо, лишился аппетита.

Кунцевич пил чай в кабинете начальника и докладывал:

– Следов взлома ни на входной двери, ни на окне я не обнаружил. Постороннему в дом попасть крайне затруднительно. Выходит, кражу совершил кто-то из домашних. За прислугу генерал ручался, все они служат у него не один десяток лет, поэтому основным подозреваемым становился отпрыск его превосходительства. Стол открыт крайне аккуратно, сразу видно, что работал человек со сноровкой, не генеральский сынок. В этом направлении я и повел беседу с челядью генерала и вскоре выяснил следующее: 27 марта генерал уехал по делам в Вильно. Через час после его отъезда к Илье пришел неизвестный прислуге мужчина, плохо говорящий по-русски, и младший Давыдов тут же послал лакея за слесарем-водопроводчиком из соседнего дома Скотниковым, наказав тому явиться с инструментами в кабинет отца. Когда Скотников пришел, то кроме Ильи Давыдова застал там и его гостя. Слесарь показал, что младший Давыдов попросил его открыть отцовский стол. Водопроводчик утверждает, что сначала испугался и стал отказываться, но Давыдов его успокоил, сказав, что сделать это нужно по приказанию самого генерала, который забыл дома важные документы, срочно понадобившиеся в присутствии, и послал за ними одного из своих подчиненных, – здесь Давыдов указал на стоявшего рядом с ним мужчину. Успокоенный слесарь открыл стол.

– Интересный водопроводчик, этот Скотников. И инструмент у него интересный... – перебил подчиненного Чулицкий.

– Скотников говорит, что ему очень часто приходится выполнять подобные просьбы – жильцы постоянно теряют ключи от дверей и различных хранилищ. Якобы для этого он и приобрел набор отмычек, – пояснил коллежский секретарь.

– Вы его хорошенько проверьте, Мечислав Николаевич, хорошенько! У нас в центральном районе как раз серия квартирных краж недавно случилась.

– Непременно проверю.

– Хорошо. Продолжайте.

– Слушаюсь. Так вот, после того как слесарь открыл стол, Давыдов-младший вынул оттуда связку ключей, одарил Скотникова рублевкой, и тот отправился восвояси. Иван Иванович уже сличил следы на замке с изъятой у слесаря отмычкой и божится, что именно ею они и были оставлены. Сейчас он пишет заключение. Разумеется, я сразу же сообщил обо всем генералу. Его превосходительство уверил меня, что документов дома не забывал и никаких подобных распоряжений сыну не давал.

Чулицкий отхлебнул чая и поставил стакан на стол.

– Ну что я могу сказать. Как всегда – браво. А когда, вы говорите, младший Давыдов убыл за границу?

– Через два дня после вскрытия стола – 29 марта. Батюшку из командировки не дождался.

– Где он сейчас?

– В Дижоне, учится.

– Дижон, Дижон... Это, кажется, к югу от Парижа?

- Не знаю, я во Франции не бывал.
- Так собирайтесь!

Глава 3

«Каждый намеревавшийся отбыть за границу русский подданный, кто бы и какого звания ни был, обязан подать о том прошение местному генерал-губернатору, губернатору или градоначальнику, по принадлежности (ст. 164), и представить от полиции свидетельство, удостоверяющее, что никакого законного препятствия к отъезду его нет».

(Статья 165 Устава о паспортах тома 14 Свода законов Российской империи.)

Мечислав Николаевич вышел из градоначальства в половине третьего и, еще раз полюбовавшись на новенькую книжку заграничного паспорта, отправился домой обедать. Вкусно поев и поспав пару часиков, чиновник для поручений взял извозчика и велел везти себя на Офицерскую. До начала вечерних занятий оставалось еще около часа, поэтому народу в сыскной почти не было – дремал за столом дежурный агент да из одного из надзирательских кабинетов доносились крики и глухие звуки ударов. Кунцевич решил прийти пораньше, чтобы никто не помешал поработать с бумагами – надо было подбить дела перед командировкой, срок окончания которой известен был одному только Богу.

Чулицкий за неделю, ушедшую на получение заграничного паспорта, постарался его разгрузить, и теперь в производстве коллежского секретаря находилась всего с полдюжины мало-важных дознаний. Он внимательно изучал папки с делами, делал пометки, иногда писал на осьмушках листов указания для подчиненных и скрепкой прикреплял бумажки к обложкам дел. К половине восьмого все было сделано. С чувством удовлетворения Мечислав Николаевич сгреб папки под мышку и направился на вечерний развод.

– А вам, господин коллежский секретарь, вот это дельце: со склада купца Мельхиорова на Пятой линии сегодня в полдень мошенническим путем похищено пять подвод москательного товару. Ваш Левиков вроде какую-то ниточку за кончик ухватил, но вы все равно лично проконтролируйте, пожалуйста, Мельхиоров в градоначальстве влиятельных знакомцев имеет, нам лишние попреки ни к чему. Завтра же проверьте, чего там Левиков насобирает.

Кунцевич аж рот раскрыл:

– Завтра? Так я же завтра в Париж должен...

– Отменяется Париж, Мечислав Николаевич. Потерпевшая, мадам Давыдова, подала прошение о прекращении дела в связи с примирением с сыном, поэтому надобность в вашей командировке отпала. Вернется Илья Васильевич домой на вакации, следовательно его формально допросит и пошлет дело на прекращение по основаниям, предусмотренным статьей 157 Уложения, так что казенные деньги на заграничные вояжи тратить незачем.

– А я уже и паспорт получил... – растерянно пробормотал Мечислав Николаевич.

– Прекрасно! Он три месяца действителен, а у вас на июль отпуск запланирован, вот куда-нибудь и прокатитесь, только за свой счет. Так, на чем я остановился? Ах да, Мельхиоров...

Воров, совершивших кражу у Мельхиорова, они отыскиали за трое суток – мазурики сбыли краденое одному из многочисленных осведомителей Левикова, который не преминул сообщить об этом своему куратору. На допросах злодеи признались в совершении еще нескольких преступлений, в том числе и в хищении книг из располагавшегося на Восьмой линии Васильевского острова книжного магазина-склада «Посредник», которым владел некто Эммануил Карлович Гранде. К удивлению сыщиков, Гранде никакой жалобы по этому поводу ни в наружную, ни в сыскную полицию не подавал. Сей факт весьма заинтересовал Мечислава Николаевича, и он решил лично побеседовать с задержанными.

Воровали трое – Захар Иванов Анисимов по прозвищу Злоб, Илья Харитонов Кустов и Яков Михайлов Козляков. Первые двое судимы неоднократно, последний был первоходом. Именно с него и решил начать дознание коллежский секретарь.

– Скажи мне, Яша, это кто же вас книжки воровать надоумил?

– А че? Книжки, они же дорогие, иная рупь, а иная и два целковых стоят!

– Ну, то, что книги сейчас дороги, я и без тебя знаю, чай в книжные магазины хожу. Кому вы их продавать собирались?

Допрашиваемый почесал голову:

– А вот здесь промашка у нас вышла, барин. Хотели мы их на Александровский рынок снести к энтим, как их, букванистам?

– Букинистам.

– Во! Им хотели продать, но они не брали – боялись, понимали, откуда книжонки-то. Злоб уж и на вес их предлагал – по красной за пуд, все равно не брали. «Сегодня, – грят, – возьмем и денег вам заплатим, а завтра хозяин за ними с полицией придет и придется их бесплатно отдавать».

– Это сколько ж вы книг утащили, коли пудами их сбывать пытались?

– Ой, много, барин, – ответил Козляков не без гордости. – Пять ящиков.

– И как же это вам удалось?

Задержанный развалился на стуле и закинул ногу на ногу:

– Дык энто же я все и придумал!

– Ты? – как бы не доверяя словам Яшки, переспросил чиновник.

– Я! Я к этому Мануилу Карлычу на поденку несколько раз нанимался, когда только в Питер из деревни пришел. Каждные две недели по понедельникам он снаряжает подводу и развозит книжки по разным местам. Для того берет двоих погрузчиков – чтобы, значит, мы ему подводы нагружали, а в местах, куда книжки привозим, разгружали. Вот мне в голову и пришла мыслишка – подрядиться подводу загрузить, а выгрузить там, где нам надо. Подвода-та и возчик у Карлыча свои, а вот погрузчиков постоянных нет. Пришли мы с Илюхой в понедельник к семи утра, Карлыч меня узнал и без разговоров нанял. Загрузили мы подводу и пошли рядом с ней. Грузились с черного хода и на проспекте дворами поехали. В одной из подворотен Злоб к возчику с ножом пристал и велел не пицать, коли жить охота. Скрутили мы его быстренько, рот тряпкой заткнули, на голову рогожный мешок надели, положили в подводу, промеж ящиков, и двинулись в Галерную гавань. Там в одном анбаре ящики выгрузили, лошадь до Семнадцатой линии я довел и отпустил, она небось домой и вернулась. Ловко?

– Ловко. Эта ловкость в Уложении разбоем называется. Ты Мануилу Карлычу паспорт-то свой показывал, когда первый раз нанимался?

– Нет, он и не просил.

– А книжки где теперь?

– Дык все там же, в анбаре на Наличной, у одного обывателя.

– Покажешь?

– Покажу. Папироской угостить не изволите?

В ящиках и правда оказались книги – «Приключения Гулливера», «Робинзон Крузо», Чехов, Достоевский, Лейкин, новомодный писатель-беллетрист Сечин.

Кунцевич бросил «Смертоносный луч» Сечина в ящик и повернулся к Левикову:

– Вы что-нибудь понимаете, Алексей Степанович?

– Решительно ничего-с. У этого Гранде товару украли чуть не на пять тысяч, а он молчит, как рыба. Странно.

– Странно и непонятно. Что думаете по этому поводу?

Не имеющий чина пожал плечами.

- А вот мне кажется, что Гранде просто нас боится, – сказал коллежский секретарь.
- Нас?
- Ну да, нас – полицию.
- Вы думаете, что он причастен к каким-то преступлениям?
- Я думаю, что в этих ящиках содержится что-то противозаконное.
- Да вроде книжки там все незапрещенные, Сечина так вообще по всему городу рекламируют на афишных тумбах.
- Значит, надо копать глубже, под Сечина.

Когда сняли три верхних слоя книг, сыщики увидели то, что искали, – ровные ряды карточных колод.

Повертев одну из них в руках, Мечислав Николаевич сказал Левикову:

- А карты-то иностранной выделки, не обандероленные. Контрабанда-с², а вы говорите – Сечин!

– Странно, а почему же грабители их не нашли? – удивился надзиратель.

– Да ничего странного – увидели сверху книжки и решили, что весь ящик ими набит. Или вы думаете, что Злоб со товарищи стали бы книги перебирать?

В каждом из ящиков обнаружили по сто дюжин колод.

Коллежский секретарь еще раз допросил Козлякова, потом проехался с ним по городу на извозчике и выяснил, куда доставлялись ящики с книгами. Один из адресов оказался ему знаком.

Чиновник для поручений опустил в стакан с чаем кусок сахара, тщательно размешал, отхлебнул и откинулся на спинку стула. «Итак, что мы имеем? Владелец книжного склада два раза в месяц развозит по пятьсот дюжин контрабандных карточных колод в различные значные места столицы, среди которых „Общедоступка“ моего давнего друга господина Лейферта. Вопрос – где месье Гранде берет такое количество контрабандного товара? Ответ очевиден – в Санкт-Петербургском порту. А там всякий товар должен пройти таможенный досмотр. Значит, досматривают его там плохо». Он позвонил и велел позвать Левикова.

- Алексей Степанович, вы с нашими портовыми таможенниками знакомы?
 - С некоторыми да-с.
 - А честных среди них знаете?
- Левиков заулыбался:
- Да они все честные.
 - Что, за каждого поручиться можете?
 - Эка вы хватили! Нет, конечно, не за каждого, но вот за одного вполне могу.
 - Кто таков?

² В описываемое время в Российской империи существовала государственная монополия на изготовление игральных карт. Они выделялись на особой фабрике, которая состояла в ведомстве учреждений императрицы Марии – организации, занимавшейся благотворительностью. Часть дохода от продажи карт также шла на благотворительность. Для борьбы с подделками каждая колода печатывалась особой бандеролью, изготавливавшейся в Экспедиции заготовления государственных бумаг. Карты отпускались для реализации только по нарядам Собственной Е.И.В. канцелярии, при которой состояло особое Управление по продаже карт, имеющее казенные магазины в Санкт-Петербурге и Москве. Ассортимент карточных колод строго регламентировался, регулировалась и их цена. Так, самая дорогая – глазетная колода в 52 листа стоила 2 рубля 50 копеек, второсортная – 60 копеек. Иностранные, бывшие в употреблении или нелегально выделанные карты признавались запрещенными, и за их оборот существовала уголовная и административная ответственность. «Виновные в тайном провозе иностранных карт, а равно и покупатели их подвергаются в административном порядке, сверх конфискации карт, денежному взысканию в пользу казны по 15 рублей с каждой дюжины колод этих» (ст. 1532 Устава таможенного и ст. 760 Уложения о наказаниях). Кроме этого, виновный в продаже запрещенных карт подвергался и денежному взысканию по 15 рублей с каждой дюжины колод в пользу открывателей и уличителей (ст. 1351 Уложения о наказаниях).

– Титулярный советник фон Лазен. Интересный, я вам скажу, персонаж. Окончил курс наук в университете, говорят, даже кандидат, головастый, но из-за правдолюбия своего нигде не держится. Так что вместо кафедры в институте служит на таможне.

– Он из немцев?

– Немец.

– Приходилось с ним работать?

– Нет, сами знаете, что контрабандой мы занимаемся постольку-поскольку, вы мне в этом году одно поручение только и дали, в марте, по чаю.

– Да, да.

«Так и мне Михаил Фролович больше поручений не давал. Интересно, почему? Надзиратель, в чьем участке портовая таможня, за год исполнил только одно поручение. Контрабанды нет? Сами справляются?» – подумал Кунцевич, а вслух сказал:

– Узнайте побольше про этого немца. Где живет, с кем живет, чем увлекается, в какую церковь ходит – в общем все, что сможете. Но аккуратно!

– Слушаюсь.

Оказалось, что Гуго Вильгельмович фон Лазен был не кандидатом, а магистром фармации. Он закончил Московский университет, потом служил в Институте принца Ольденбургского, где и защитил диссертацию на интересную тему «К вопросу о разлагаемости и открытии кокаина в животном организме при отравлении им». Но из института почему-то ушел, поменял несколько мест, третий год трудился на таможне, не так давно был назначен старшим помощником корабельного и пакгаузного смотрителя. Жил он рядом с местом работы – на Третьей линии. Гуго Вильгельмович был одинок. Вечера проводил или дома, или в Публичной библиотеке. Соседи иногда жаловались на неприятный запах из его комнаты, он несколько раз платил хозяйской прислуге за мытье каких-то непонятных стеклянных трубок.

Кунцевич просидел в холле библиотеке с полчаса, пока не увидел спускавшегося по лестнице фон Лазена. Чиновник для поручений поднялся и поспешил навстречу таможеннику.

– Гуго Вильгельмович? Здравствуйте, разрешите представиться – коллежский секретарь Кунцевич, Мечислав Николаевич, чиновник для поручений сыскной полиции. Извините, что беспокою, но обстоятельства, знаете ли. Управлению сыскной полиции срочно понадобилась консультация в сфере отравления кокаином, а мне сказали, что в столице лучше вас об этом никто не знает.

– Кто сказал, позвольте полюбопытствовать? – спросил Лазен с иронией.

– К сожалению, не могу сообщить личность этого господина. Одно скажу – имя его весьма известно и уважаемо в научных кругах.

– Хм. Если это светило считает меня таким докой, то почему же не говорило об этом раньше, когда решался вопрос о моем увольнении из института? Впрочем, вам это не интересно. Я готов ответить на ваши вопросы.

– Давайте не здесь – разговор может затянуться. Позвольте в благодарность за предстоящую консультацию угостить вас обедом? За столом и поговорим.

Таможенник усмехнулся:

– А почему бы мне не пообедать за счет сыскной полиции? Давайте.

– Тогда прошу, тут поблизости есть одно местечко.

К разговору приступили, когда официант подал кофе.

Кунцевич задал несколько вопросов и выслушал пространную лекцию на якобы интересовавшую его тему. Начал таможенник словно нехотя, монотонно, но по мере изложения предмета говорил все с большим жаром, глаза у него заблестели. Химик так просто объяснил

все сложные для дилетанта предметы, что к концу лекции коллежский секретарь имел полное представление об опасных последствиях кокаиновой интоксикации.

– Гуго Вильгельмович, вы даже не знаете, как нам помогли. Премного благодарен. Скажите, а можете вы ответить мне на один вопрос, который к теме нашей беседы не относится, но ответ на который мне очень хотелось бы услышать? Как получилось, что вы, блестящий химик, магистр – и служите на таможне?

– Вам действительно это интересно?

– Да.

– Видите ли, Мечислав Николаевич. Во мне нет ни капли русской крови, но моя родина – это Россия. И мне становится грустно и обидно, когда мою родину грабят. Сейчас я стараюсь грустить молча, но в молодости мне это не удавалось. И если я видел, что человек вор, то я так и говорил в лицо этому человеку. А кому такое понравится?

– А на таможне все в порядке?

– Я же говорю, сейчас я грущу молча. Имений у меня нет, потому приходится трудиться. А службу в наше время найти непросто.

– Гуго Вильгельмович, а вообще тяжело ловить контрабандиров?

– Вы знаете, нелегко. Но мы ловим. Опять же, если нам дают их ловить. Купечество у нас ушрое, да и европейцы, если это касается прибыли, проявляют чудеса изобретательности. Столько способов напридумывали скрыть контрабанду!

– Например?

– Ну самое простое: привезли крупную партию товара, выгрузили в пакгауз, места с утаиваемым товаром кладут в нижний ярус. Помощник надзирателя осмотрел один ярус, второй, третий, время к обеду, ничего предосудительного не обнаружено, он плюнет и акт подпишет. Если товар мелкий, ну, скажем, галантерейный, то купцы специально суматоху создают и пытаются перекинуть недосмотренные вещи в кучу с уже досмотренными. Упаковки с секретом мастерят... Да множество есть способов, обо всех не расскажешь.

– А как можно скрыть от досмотра игральные карты?

Фон Лазен откинулся на спинку стула:

– И много карт скрыли от досмотра?

– По крайней мере 500 дюжин.

Таможенник осматривал изъятое на Наличной имущество с полчаса. На книжки и карты он едва взглянул, потратив большую часть времени на досмотр тары.

Наконец Лазен выпрямился и поставил керосиновую лампу, которой подсвечивал, на стул:

– Ящики иностранного производства. Доски слишком хорошие, у нас из таких мебель делают. И вот видите, – таможенник опять взял в руки лампу и посветил на угол одного из ящичков, – видите, следы от гвоздей, вот, вот и вот, по всему периметру. Ящик был с амбалажем.

– С чем, простите? – спросил Кунцевич.

– Для предохранения от повреждений во время транспортировки деревянные ящики обкладывают соломой и обшивают холстом. Кстати, в амбалаже очень часто прячут контрабанду. Очевидно, что Гранде получает какие-то книги из-за границы. Я завтра посмотрю документы. Вы часиков в восемь ко мне не заглянете?

Кунцевич отправился к Лазену, прихватив бутылку шустовского коньяка. Гуго Вильгельмович распорядился накрыть на стол. За сутки он узнал многое, поэтому беседовали сыщик и таможенник долго.

– Гранде договорился со всеми ведущими российскими университетами и поставляет им новинки изданной за границей специальной литературы – как книги, так и периодику, – докладывал фон Лазен. – За навигацию он несколько раз получает ящики книг. Доставляет

их всегда шхуна «Элен», приписанная к марсельскому порту. Коносаменты они присылают заранее, по почте. Я сверился по книгам, очередные коносаменты уже у нас лежат, в том числе и на книги господина Гранде. Шхуна должна быть у нас не позже 10 июня. Я ее встречу. Вопрос такой: где будем задерживать контрабандиров, непосредственно в пакгаузе или дадим подводе выехать из порта?

– А есть разница?

– Конечно! Если мы их задержим на таможне, то вознаграждение получим быстрее, да и сразу все – я думаю, что шкипер, опасаясь ареста судна, ерепениться не будет, вину признает, тогда дело в суд не пойдет, решится властью моего начальства. Если же они будут задержаны после выхода ящиков из пакгауза, то для получения денег придется дожидаться приговора суда, да и приказчик может всю вину на себя взять, а с него мы деньги долго будем получать, скорее всего всю оставшуюся жизнь.

– Какие деньги? – недоуменно спросил Мечислав Николаевич. – Вы о чем?

– За каждую обнаруженную дюжину контрабандных колод с виновного взыскивается 15 рублей штрафа в пользу открывателя, если это простой обыватель, и треть от этой суммы, если открывший контрабанду – чин полиции или таможенного ведомства.

– Ого! Да, за такие деньги можно и постараться. Хорошо бы, конечно, Гранде привлечь, но я боюсь, что с ним мне разобраться не дадут. Давайте так: карты изымем в пакгаузе, но тогда, когда ящики погрузят на подводу. Потом вы займетесь шкипером, а я приказчиком. Вы, как контрабанду обнаружите, телефонируйте в сыскную и просите прислать кого-нибудь на подмогу. Это мой район, поэтому я и приеду. Мне важно, чтобы все думали, что контрабандеры обнаружены случайно, без моего участия.

– Договорились.

Шкипер и правда не стал ерепениться, он признал вину и сразу же выплатил весь причитающийся с него штраф.

А вот приказчик упирался. Знать, мол, ничего не знаю, ведать не ведаю. Забрал на таможне ящики и хотел везти в магазин, его дело, чтобы количество ящиков совпадало с бумагами, а что в них – не его забота. Гранде же заявил, что его коммерция настолько обширна, что вникать в каждую сделку он не может. Есть договора, накладные, бухгалтерия – проверяйте, сверяйте, у него все чисто и проверок он не боится. Через полчаса после начала беседы с книготорговцем Кунцевича вызвал Чулицкий и приказал не мучить честных обывателей. Гранде пришлось отпустить с извинениями.

Через три недели Лазен получил вознаграждение и сразу же привез Кунцевичу половину. Вечером, разложив девять радужных бумажек³ на рабочем столе, Мечислав Николаевич предался приятным мыслям: «Через неделю отпуск, загранпаспорт в кармане. А может, и правда в Париж податься? Возьму с собой свою беззаконницу, погуляем с ней по Champs Élysées, на башню залезем. Впрочем, в Париж со своей дамой – это все равно что в Тулу со своим самоваром. Совру, что в командировку поехал».

Но врать почти не пришлось.

³ Радужные бумажки – сторублевые купюры.

Глава 4

Прежде чем отправиться в дорогу, необходимо составить себе подробный путевой маршрут. Нужно согласовать время отхода и прохода поездов таким образом, чтобы не приходилось ждать подолгу на промежуточных станциях. Для этой цели можно рекомендовать расписание ж. д. движения Европы, под названием «Livret Chaix, guide officiel partie étrangère», которое выходит ежемесячно (цена 2 фр., около рубля) и которое можно получить в СПб. в книжном магазине Вольфа, в Гостином дворе и Мелье, у Полицейского моста. При помощи этой книжки можно легко и точно выработать маршрут по всей Европе и вычислить стоимость проезда. Здесь, к слову, можно посоветовать туристу брать с собою по возможности меньше багажа, ограничиваясь лишь самым необходимым. Вozить с собою подушку и постельное белье, как это принято у нас, безусловно лишнее.

(Париж в кармане: Полный и подробный путеводитель по Парижу и окрестностям, с планом, на русском и французском языках, и кратким словарем. Санкт-Петербург, издание Веge, 1900.)

28 июня, перед Петровым днем, вечерних занятий не было, и Мечислав Николаевич соби-
рался уйти со службы пораньше – постоянно жившая на даче сожительница надавала множе-
ство поручений, для выполнения которых надо было бегом обежать с десятков лавок и магази-
нов. Они снимали дачу в Новой деревне. Средства позволяли поселиться в более престижном
месте, но забираться далеко от города не давала возможности служба. А тут, хоть и с «протек-
цией» и «продуванцией», зато всего час на конке и только одна пересадка. Да и до любимой
Лизой «Аркадии» рукой подать.

Мечислав Николаевич отщелкнул крышку и посмотрел на часы. «Половина третьего. Я
думаю, Михаил Фролович не обидится, если я на полчаса меньше сегодня послужу Отече-
ству. Впрочем, чтобы обидеться, ему про это сначала узнать надобно, а я ему ничего говорить
не буду. Уйду по-английски». Коллежский секретарь захлопнул крышку и открыл дверь. На
пороге стоял начальник. «Мысли читает», – чиновник для поручений аж отпрянул.

- Далеко ли собрались?
- К вам, Михаил Фролович, доложить по делу Чунова.
- Потом, потом. Вас просила срочно явиться к ней мадам Давыдова.
- Давыдова? – Кунцевич старался припомнить, что это за мадам.
- Софья Порфирьевна, супруга его превосходительства шталмейстера Давыдова.
- Ааа! А зачем я ей понадобился?
- Хочет, чтобы вы занялись розысками ее сына.
- Он что, пропал?
- Пропал.

Ее превосходительство временно проживала в квартире члена совета министра народ-
ного просвещения Аркадия Евгеньевича Пфовиуса – близкого друга семьи.

Радужный хозяин предоставил в полное распоряжение Софьи Порфирьевны две пре-
красно меблированные комнаты – спальню и будуар своей супруги, которая в это время отды-
хала на одном из заграничных курортов. Однако принимала коллежского секретаря ее превос-
ходительство в гостиной.

Это была сорокалетняя молодящаяся дама, с еще явно выраженными следами былой
красоты.

Войдя, Мечислав Николаевич поклонился и получил разрешение присесть рядом.

Изучали его физиономию довольно долго. Наконец ее превосходительство изволили заговорить:

– Так это вы установили, что к краже моих драгоценностей причастен Илья?

– Мадам, все улики говорят...

– Ах, не оправдывайтесь. Я прекрасно знаю, на что способен мой сынуля, поэтому ваше открытие меня не поразило. Узнав о краже, я немедленно выехала во Францию, но сына нигде не нашла. Очевидно, что он от меня скрывается. Вы должны отыскать сына и мои бриллианты, если, конечно, он еще не успел их прокутить. Вы сможете это сделать?

– Я постараюсь, ваше превосходительство...

– Это не ответ. Вы должны не постараться найти, а именно найти и того, и другое. Когда вы сможете отправиться?

– Ээээ. Надобно получить разрешение начальства...

– Считайте, что вы его получили.

– И я не при деньгах, мадам.

– Сколько вам нужно?

Мечислав Николаевич пожал плечами:

– Я не знаю, я в Париже никогда не бывал.

Давыдова начала считать:

– Дорога обойдется рублей в двести в оба конца, пять франков в день на гостиницу, еще столько же на провизию, итого десять франков... Сколько времени вам понадобится?

Кунцевич только пожал плечами.

– Возьмем три недели, двести десять франков, или, – барыня замялась, – а, пусть будет двести пятьдесят, то есть сто рублей для ровного счета. Итого триста рублей.

Генеральша позвонила, и в гостиную тут же вбежала горничная.

– Когда барин обещал быть, голубушка? – спросила Софья Порфирьевна.

– К пяти-с.

– Спасибо, можешь идти. – Генеральша повернулась к коллежскому секретарю. – В шесть я пришлю вам деньги с посыльным. Завтра сможете выехать?

– Смогу. Но...

– Отлично. Как только обнаружите сына, пришлите мне телеграмму. Не смею вас больше задерживать.

Кунцевич поднялся:

– Для того чтобы выполнить ваше поручение, мадам, мне недостаточно трехсот рублей.

Барыня удивилась:

– Почему же? Я вроде все верно сочла. Не хватит, телеграфируйте, я пришлю еще.

– Дело не в деньгах, ваше превосходительство. Мне нужны сведения.

– Какие сведения?

– Доводилось ли вам когда-нибудь серьезно болеть, мадам?

Семья шталмейстера Давыдова состояла из жены его Софьи Порфирьевны, урожденной Навруцкой, сына Ильи, 21 года, и дочери Натальи, замужней дамы 23 лет. После окончания средне-учебного заведения Илья продолжил образование за границей на юридическом факультете Дижонского университета. Юноша отличался острым умом, хорошо учился, но вел себя далеко не безукоризненно, предаваясь всем тем порокам, которым предаются сверстники его круга. Шталмейстеру то и дело приходилось платить по векселям своего шалопая. Осенью 1900 года Илья заболел воспалением легких. Софья Порфирьевна примчалась к нему в Париж и находилась при сыне до полного его выздоровления, почти два месяца, сначала в столице Франции, а затем в Ментоне, куда он был перевезен по совету врачей. Ввиду большого про-

пуска лекций Илья не смог успешно сдать все экзамены и после зимних вакаций должен был выдержать переэкзаменовку. На каникулы он приехал домой. И в один далеко не прекрасный день...

Генеральша прервала рассказ и посмотрела на Кунцевича:

– Вы же видели его превосходительство?

– Да-с.

– Он же старик! Дряхлый старец. Он почти на тридцать лет меня старше. Он ложится спать в девять вечера! А мне хочется света, музыки, танцев, мне движения хочется, жизни, понимаете? Я молода и недурна собой. Неужели я должна была себя похоронить заживо?

Софья Порфирьевна посмотрела на Кунцевича, очевидно, ожидая, что он скажет, что она прекрасна и, разумеется, не должна себя хоронить, но коллежский секретарь промолчал. Не дождавшись ответа, жена дряхлого старца продолжила, опустив глазки:

– В общем, случилось то, что должно было случиться. Единственное, в чем я себя виню, это в том, что была неосторожна. Илья явился домой внезапно, без телеграммы, хотел устроить нам сюрприз, ну и... увидел... После этого его как будто подменили! Он буквально возненавидел меня. Во-первых, он тут же доложил обо всем отцу. У нас произошел разговор, результатом которого стало то, что я была вынуждена покинуть свой дом буквально в том, в чем была. Спасибо, хоть друзья приютили, не дали умереть на улице. А во-вторых, мой мальчик всячески стал афишировать мою связь, рассказывал обо этом каждому встречному... Вы даже не можете себе представить, что я пережила! Наконец, эта кража... Но я – мать, и как бы ни был плох мой сын, его матерью я быть никогда не перестану. Поэтому, как только муж сообщил мне о результатах вашего следствия, я немедленно снеслась с адвокатом, и он подготовил все бумаги, необходимые для прекращения дела. А надо вам сказать, что после отъезда сына за границу у меня очень долго не было никаких сведений о его местонахождении – на мои письма Илья не отвечал. Мне пришлось обратиться к мужу, и тот нехотя сообщил, что сын еще в апреле уведомил его, что перевелся в университет в Бордо, где останется жить ввиду более мягкого климата. Муж дал мне адрес сына. Я написала туда два письма, но и они остались без ответа. Тогда я поспешила во Францию.

Затем генеральша рассказала, что в Бордо сына не нашла – в указанном им доме оказалась какая-то комиссионерская контора, владельцы которой скрывались от долгов и обстановка которой продавалась с аукциона. Из Бордо Давыдова поехала в Дижон, где пыталась навести справки по прежнему адресу сына, но и там о его местонахождении ничего не знали.

– Мне пришлось обратиться к директору французского Департамента полиции, я прождала неделю, но французы так и не смогли отыскать моего мальчика. Я думаю, что они просто его не искали – зачем им лишние хлопоты с каким-то русским! Я вернулась в Петербург и потребовала у мужа сделать все возможное, чтобы отыскать сына. Он посоветовал обратиться к вам. Вот, собственно, и все. Вы должны найти моего мальчика! Слышите! Вы обязаны это сделать! – Софья Порфирьевна пустила слезу.

– Я сделаю все от меня зависящее, мадам. – Кунцевич поднялся, собираясь откланяться.

Хозяйка лично проводила его до дверей и, после того как горничная, подав Мечиславу Николаевичу котелок и зонтик, удалилась, сказала:

– И постарайтесь найти мои бриллианты. Коли отыщете, внакладе не останетесь.

Глава 5

«Целью моей командировки являлось установление действительного места жительства Ильи Давыдова, собрание сведений о его жизни и установление за ним наблюдения, а также производство розыска бриллиантов на случай, если бы они оказались уже сбытыми. Для облегчения сношений с французскими властями шталмейстер Давыдов снабдил меня личным письмом на имя Российского императорского посла в Париже гофмейстера Л. П. Урусова. 30 июня с. г. я выехал из Петербурга и 2-го (15-го по европейскому летоисчислению) июля вечером прибыл в Париж и остановился в Hotel du Tibre, 8, rue du Helder...»

(Из рапорта чиновника для поручений СПб столичной сыскной полиции кол. секретаря Кунцевича.)

Не успел поезд остановиться, как дверь купе отворилась и в проеме появилась красная физиономия носильщика.

– Экипаж, месье? – спросил фактер сиплым голосом.

– Да, и большой багаж возьмите. – Кунцевич сунул носильщику квитанцию и саквояж, а сам схватил завернутую в плед пуховую подушку и вышел на перрон.

При входе в вокзал образовалась небольшая очередь – акцизный чиновник спрашивал у пассажиров, имеются ли при них съестные припасы и напитки, и тех, кто отвечал утвердительно, передавал в руки коллеги, взимавшего положенный по закону сбор.

Французский городской в синей пелерине и кепи, с лихо закрученными усами и бородкой клинышком, увидев мужчину с подушкой в руках, махнул рукой в сторону шеренги извозчиков, и один из них, детина в белом лакированном цилиндре, тут же подъехал к Кунцевичу. Фактер проворно взгромоздил саквояж Мечислава Николаевича на крышу кареты и, получив положенный французский полтинник, удалился.

– Куда едем, месье? – Извозчик вопросительно уставился на коллежского секретаря, который в это время пристраивал на сиденье плед и подушку.

– Мне нужно в какую-нибудь недорогую, но приличную гостиницу, нет ли у вас такой на примете?

– Отчего же нет, есть, месье! Прелестный отель и недалеко отсюда.

– Везите!

Hotel du Tibre располагался в огромном шестиэтажном доме на довольно оживленной улице. Как только карета остановилась у парадного подъезда, оттуда выскочил лакей в ливрее и красной шапочке, с невероятной проворностью снял с крыши чемодан и потащил внутрь. Мечиславу Николаевичу ничего не оставалось, как пойти следом. За ним шел извозчик, тащивший саквояж и подушку.

У самых дверей к гостю подскочил портье:

– У нас прекрасные номера, месье, вы останетесь вполне довольны!

– В какую цену?

– Пять франков, месье, всего пять франков!

Кунцевич аж попятился:

– Нет, для меня это дорого!

– Месье, клянусь, за эту цену вы не найдете ничего лучше во всем Париже, к тому же в стоимость номера входит сервис и освещение.

– Нет, нет, это дороговато, я рассчитывал на два-три франка в день.

Портье помрачнел:

– А долго ли вы изволите пробывать в городе?

– Я, право, и сам не знаю, но, думаю, не меньше недели.

– Это небольшой срок... Ну если месье готов жить в пятом этаже, то я могу предоставить номер за три с половиной франка.

«Черт с ним, – подумал Мечислав Николаевич, – все равно деньги чужие!»

– Показывайте комнату!

Утром следующего дня Кунцевич был принят гофмейстером двора его императорского величества Львом Павловичем Урусовым – императорским послом во Франции. Его превосходительство выслушал доклад коллежского секретаря и изволил выдать рекомендательное письмо на имя директора de la Sûreté générale⁴ месье Ришара с просьбой оказать питерскому сыщику содействие при исполнении возложенного на него поручения. В этот же день Мечислав Николаевич удостоился аудиенции господина Ришара, который направил его к префекту парижской полиции. Ко времени окончания приема у господина директора присутственные часы в префектуре уже закончились, так что к главному полицейскому французской столицы Кунцевич смог попасть только 17 июля. Префект перепоручил его заботам директора Главной дирекции розысков господина Луи Мукэ, а тот – комиссару третьей бригады розысков месье Жюлю Себилю. Последнему перепоручать Кунцевича было уже некому.

Хозяин слушал гостя, развалившись на стуле и попыхивая ароматной сигарой, а когда Кунцевич закончил, поднялся, достал из шкафа бутылку коньяку и два бокала и вопросительно посмотрел на россиянина. Тот молча кивнул. Себиль сразу оживился и наполнил бокалы.

– Не коньяк, а нектар, – облизываясь, похвалил напиток Кунцевич.

Комиссар улыбнулся еще шире и опять наполнил бокалы.

– Коньяк великолепен, месье Себиль, но не мешает ли он нашему делу? – попробовал было протестовать коллежский секретарь.

– Когда это хороший напиток мешал делу? – удивился парижанин.

– У меня на родине такое случается, месье. Впрочем, водка, которую предпочитают пить мои сослуживцы, и в сравнение не идет с вашим напитком.

– А вот водки я никогда не пробовал...

– Я привез с собой бутылочку и с радостью угощу вас.

– Правда? Превосходно! Давайте за это выпьем.

Через час они сидели за столом, расстегнув пиджаки и расслабив галстуки.

– А патронесса ваша еще та дамочка. – Француз подошел к шкафу и, достав оттуда еще одну бутылку, вернулся к столу. – Я после ее визита два дня головой мучился! – Себиль принялся снимать пробку. – Как она кричала, кем только не грозила! Я еле ее выпроводил. И самое обидное, что все ее обвинения в нашем бездействии абсолютно безосновательны. Мы же сложа руки не сидели, мы работали и до сих пор работаем. Она пришла к нам в июне и хотела, чтобы мы нашли бриллианты, похищенные в России в марте, причем за те три дня, что прошли с момента подачи ею заявления! – Пробка наконец поддалась, и комиссар разлил коричневую жидкость по бокалам. – Естественно, сделать этого мы были не в состоянии. Зато сейчас мы кое-что обнаружили. – Француз протянул бокал россиянину, но тот его не взял, вскочив со стула:

– Вы нашли Илью Давыдова?

– Пока нет, но мы напали на его след. Человек с такими именем и фамилией в период с апреля по июль в Париже не поселялся. Единой, общереспубликанской картотеки иностран-

⁴ Департамент французского МВД, осуществлявший руководство всеми полицейскими учреждениями Республики, аналог российского Департамента полиции.

цев, проживающих во всех французских гостиницах, не существует, в каждом городе ведется свой, обособленный учет, поэтому, для того чтобы узнать, где прописался месье Давыдов, надо было отправить запросы во все комиссариаты страны. Но это же нереально! Мы пошли другим путем. Илья скрывается от родителей, но не от всего света, следовательно, он должен иметь возможность скрытно сноситься с друзьями. А поскольку таких, как месье Давыдов, предостаточно, наши предприниматели создали специальное посредническое агентство «Ирис». Оно за разумное вознаграждение получает входящую и исходящую корреспонденцию клиентов и отправляет ее адресатам, сохраняя инкогнито своих доверителей. Я направил туда запрос и буквально вчера получил ответ на него. Разыскиваемый вами молодой человек в Лионе.

– Отлично! Премного вам благодарен, – сказал Кунцевич, спохватился и принял бокал.

– Это еще не все. – Себиль взял свой бокал. – Ну, за сыскную полицию!

Оказалось, что в Париже полно специальных агентств, облегчающих жизнь гражданам Франции. Например, есть такое агентство – «Office d'azur», которое только тем и занимается, что публикует приметы всех похищенных и утерянных драгоценностей и рассылает их описания всем ювелирам Республики. Себиль обратился и туда.

Один из ювелиров – господин Эрбелен, имеющий магазин на улице Трюите, – три дня назад явился в Дирекцию розысков и заявил, что еще в апреле купил у неизвестной ему дамы несколько золотых с бриллиантами вещей, которые, судя по описанию агентства, по-видимому, были украдены из дома шталмейстера Давыдова. Часть из этих вещей до сих пор не реализована.

– Где они, вы их изъяли? – заволновался Кунцевич.

– Позвольте, а на каком основании? У нас нет официального поручения. Мы искали драгоценности в частном порядке, по просьбе господина префекта полиции. Но я попросил месье Эрбелена никому их не продавать. Я надеюсь, у вас-то с бумагами все в порядке?

После того как Давыдовы узнали о пропаже сына, Софья Порфирьевна отозвала заявление о прекращении дела, и Мечислав Николаевич был снабжен всеми необходимыми для розыска документами; это-то и задержало его в Петербурге на сутки. Однако в настоящее время бумаг при нем не было – вчера он отдал их послу, и сейчас они путешествовали по министерским кабинетам, проходя процедуру легализации во Французской Республике.

– Все документы в порядке и в ближайшее время лягут на ваш стол. Скажите, а нельзя ли мне лично побеседовать с ювелиром?

Себиль посмотрел на коллегу и улыбнулся:

– Можно, только прямо сейчас я бы вам этого делать не советовал. Давайте завтра? А сегодня – прикончим вот эту бутылочку.

– Идет. А как прикончим – прошу ко мне в отель, там тоже есть чего прикончить.

«Господи, ну зачем я пил после коньяка водку? Зачем?» – Кунцевич приложил медный набалдашник трости ко лбу, но это не помогло абсолютно. Хорошо хоть фиакр, имевший резиновые шины, почти не трясло. Сидевший напротив Себиль, по-видимому, чувствовал себя еще хуже. Лицо комиссара было бледнее воротничка его рубашки, он постоянно промокал платком пот со лба.

Наконец приехали. Сыщики вошли в довольно просторный и светлый ювелирный магазин, представились хозяину и прошли в его кабинет. Месье Эрбелен достал из несгораемого шкафа холщовый мешочек и высыпал на стол его содержимое. В полутемной комнате стало как будто светлее. Мечислав Николаевич взял в руки золотой медальон в виде обсыпанного бриллиантами полумесяца и поднес его поближе к глазам.

– Да, это именно то, что я ищу.

Коллежский секретарь занес в блокнот подробное описание продавшей драгоценности дамы и спросил у ювелира:

– Эта дама француженка?

– Да, я скажу больше, она парижанка.

– Парижанка?

– Да, месье, настоящая парижанка, выросшая в отнюдь не аристократической среде.

Никто другой так не говорит, месье.

– Мадам из низов парижского общества... А вы не заметили, не ждал ли ее кто-нибудь на улице?

– Нет, она была одна. Я провожал ее до дверей и помогал садиться на извозчика. С ней никого не было, месье.

– А номера извозчика не запомнили?

– Меня уже об этом спрашивали. Я даже не взглянул на номер. Зачем?

– Да, действительно, зачем. Когда это было?

– И об этом меня спрашивали. Двенадцатого апреля, месье, так записано в моих книгах, а стало быть, так оно и есть.

– Большое вам спасибо, господин Эрбелен, вы нам очень помогли.

– Вам-то я помог, а вот себе навредил, вы же в конце концов все это у меня отберете. – Ювелир, вздохнув, собрал драгоценности в мешочек, взвесил его на руке, а потом протянул Кунцевичу: – Забирайте сейчас, месье, только напишите расписку.

Когда они вышли на улицу, Кунцевич спросил:

– Что будем делать дальше?

– Rohmelatca! – ответил Себиль не задумываясь. – Ты вчера весь вечер твердил, что сегодня нам придется rohmelatca.

Они уже двенадцать часов были на «ты».

Глава 6

«Из полученного месье Себилем ответа следовало, что Илья Давыдов поселился в Лионе, в доме № 18 по rue Fontaine, вместе с неизвестным мужчиной, наняв две смежные меблированные комнаты в квартире г-жи Лорен с платой с полным пансионом 350 фран. в месяц. Они значились прибывшими 15 апреля нов. ст. из Парижа и записаны – Давыдов Илья, 20 лет, родившийся в Москве, и Себастьян Гесслер, 34 лет, родившийся в Лейпциге, доктор прав. Получив указанное известие, я немедленно выехал в Лион...»

(Из рапорта чиновника для поручений СПб столичной сыскной полиции кол. секретаря Кунцевича.)

Пансион мадам Лорен находился на тихой зеленой улочке. Дом стоял в глубине двора и был окружен со всех сторон фруктовыми деревьями. От ворот к нему вела дорожка из красного кирпича. Хозяйка встретила Кунцевича и инспектора местной сыскной полиции Гаранже у калитки и пригласила не в дом, а в спрятавшуюся в саду миленькую беседку, посередине которой стоял круглый стол, сервированный к чаю.

– Господин Давыдов так юн, так хорош собой! За те несколько дней, что он был моим гостем, я полюбила его как сына, господина. И я так сожалела, когда его спутник сообщил, что обстоятельства вынуждают их срочно уехать.

– А как выглядел его спутник, мадам? – сделал глоток, Мечислав Николаевич поставил чашку на стол.

– О, это человек из совсем другого теста. Во-первых, он пруссак, а я, как и любой француз, недолюбливаю их нацию. А во-вторых, он плебей, хоть и представлялся профессором права.

– А вы, мадам, считаете тех, кто происходит не из аристократов, людьми второго сорта? – обиделся Гаранже, внешность которого не оставляла никакого сомнения в том, что его предки аристократами не были.

– Происхождение тут абсолютно ни при чем. Мой батюшка, надо вам сказать, в молодости батрачил на виноградниках, но никогда не позволял себе ни ругаться при дамах, ни вытирать после еды губы рукой.

– А господин Гесслер, стало быть, позволял? – спросил коллежский секретарь.

– Он и не такое себе позволял. Не буду рассказывать, чтобы не испортить вам аппетит.

– Вы сказали, что об отъезде месье Давыдова вам сообщил именно Гесслер?

– Да, именно он. Они пробыли у меня ровно неделю, до 21 апреля. Месье Давыдов и месье Гесслер целыми днями спали, вставали к обеду, вечерами исчезали и появлялись только под утро, хорошо навеселе. Я даже несколько раз попеняла им за такое поведение. Правда, иногда я видела месье Давыдова с книжкой в руках и несколько раз слышала, будто он зубрит урок. В воскресенье 21 апреля оба моих постояльца ушли в церковь, а через несколько часов Гесслер явился в пансион один и сказал, что господин Давыдов после службы зашел на почту, где его ждала срочная депеша, вызывавшая его в Париж. Он так торопился, что даже не заехал за вещами, перепоручив хлопоты о них своему спутнику. Господин Гесслер быстро собрался и был таков, не преминув забрать у меня двести франков, которые они не прожили.

– Не могли ли вы более подробно описать его внешность, мадам? – попросил петербуржец.

– Внешность у него самая заурядная. Это светло-русый господин среднего роста, худощавый, одетый весьма непрезентабельно – в потертый костюм и старые, давно не чищенные ботинки. Еще у него был белый плащ с засаленным воротником, господина!

– Носит ли он бороду и усы?

– Нет, он был всегда гладко выбрит.

– Какого цвета у него глаза?

– Такие, знаете, бледно-голубые, как у всех пруссаков.

– Он уехал от вас на извозчике?

– Да, его отвез мой сосед месье Белькур, он держит несколько закладок, но и сам не брезгает возить пассажиров. Я потом поинтересовалась, куда отправился господин Гесслер. Белькур сообщил, что отвез его на вокзал к двухчасовому парижскому поезду.

Гости допили чай, осмотрели комнаты Давыдова и Гесслера и стали прощаться с хозяйкой.

– А что мне делать с чемоданом? – спросила она уже у самой калитки, в тот момент, когда Мечислав Николаевич целовал ей руку.

– С каким чемоданом, мадам? – снизу вверх посмотрел на госпожу Лорен Кунцевич.

– С тем, что оставил господин Гесслер. По закону я должна хранить его полгода, а потом передать в полицию, но, может быть, вы меня избавите от этих хлопот?

– Избавим, непременно избавим.

Забывший или намеренно брошенный багаж состоял из дешевого, топорной работы чемоданчика и пустой коробки от сигар.

В чемодане сыщики обнаружили несколько довольно дорогих сорочек, на которых были метки, состоящие из двух букв – «G. G.».

– Ого! – воскликнул инспектор, разглядев метки. – А парень-то наш никакой не Себастьян!

– Генрих? – предположил Мечислав Николаевич.

– Нет, месье, если бы он был Анри, то тут была бы «H», а не «G»⁵.

– А ведь верно! Кто же тогда?

– Может быть, Гастон?

– Скорее какой-нибудь Георг. Ну ничего, его настоящее имя я непременно узнаю. Что там у нас еще?

Француз достал из чемодана стопку воротничков и протянул ее россиянину.

– Германские, – Кунцевич показал на клеймо, – «Madge, Mohrenstrasse 27» – известная берлинская фирма. Такие воротнички по всему свету тысячами продают. Я сам недавно приобрел в Петербурге две дюжины.

Кроме белья в чемодане был потертый бумажник черной кожи, в котором сыщики обнаружили несколько медных монет в 1 и 2 сантима.

– Да-с, негусто, – разочарованно сказал Мечислав Николаевич, вертя в руках бумажник. В это время его руки нащупали еще какой-то круглый предмет. Кунцевич вывернул портмоне чуть не наизнанку и извлек на свет божий застрявший в недрах кошелька маленький открытый медальон с портретом женщины лет двадцати пяти в старинном платье.

– Интересная дамочка, – сказал француз, отрываясь от сигарной коробки, которую он осматривал.

– Здесь еще кое-что. – Коллежский секретарь достал из бумажника клочок бумаги с печатным текстом. – «938715 Билетъ. Предъявлять по требованію контролера. Сънная площадь – Балтійскій вокзалъ. 6 коп.» – прочитал Мечислав Николаевич.

Гаранже в это время занялся чемоданом. Инспектор поднес его к окну и стал вертеть, стараясь, чтобы лучи солнца попали на каждую из его стенок.

⁵ Французское имя Анри (Henri) начинается с той же буквы, что и немецкое Генрих – Heinrich.

– Подите-ка сюда, месье! – позвал он Кунцевича и, когда тот подошел, показал на почти стертую печать в углу чемодана.

Коллежский секретарь положил чемодан на подоконник, достал из кармана лупу и с трудом прочитал: «das Atelier von Richthofen».

– Еще бы знать, в каком городе этот Рихтхофен фабрикует свои чемоданы! – сказал Гаранже.

Мечислав Николаевич вынул из чемодана все его содержимое, аккуратно вытащил потертую и всю пожелтевшую газету, которой было устлано его дно, развернул ее и нашел заголовок.

– «Breslau Zeitung», – прочитал чиновник для поручений.

Глава 7

«Из обнаруженной на чемодане газеты можно было заключить, что разыскиваемый мною Гесслер приобрел его в Бреславле или, во всяком случае, бывал в этом городе, так как чемодан этот изготовлен кустарным способом, дешев и вряд ли поставлялся в другие города. Возможно, конечно, что чемодан попал к владельцу совершенно случайно, но при полном отсутствии каких-либо иных данных о Гесслере – единственном человеке, который мог пролить свет на настоящее местонахождение Ильи Давыдова, – мною было принято решение отправиться в Германию».

(Из рапорта чиновника для поручений СПб столичной сыскной полиции кол. секретаря Кунцевица.)

«Бреславль на Одере – столица Силезии, громадный торгово-фабричный город с 500 тыс. жителей; узловая станция семи железных дорог с грандиозным центральным вокзалом (Хауптбанхоф). С Берлином соединен несколькими линиями. Лучшая улица – Швейдницерштрассе; памятники: Фридриху Великому и Блюхеру; интересна старинная ратуша на Ринге. С вокзала ходит трамвай по всем направлениям, а также извозчики. Пароходы по Одеру: от Кенигсбрюкке и от Кайзерин Августа-Пляц. Центр города омывается Одером и каналом Штадтграбен. Отличный вид открывается с Либисхэ на Ташенбастион и Променаденбастион. Университетские клиники находятся в предместье Шайтниге; здесь же отличный парк и зоологический сад (можно проехать на пароходе). Русское консульство на Виктория-штрассе, № 16»

(Практический путеводитель для русских по городам и курортам Западной Европы и по Египту. 1900-1901 / Сост. Турист (П. П. Кузьминский). Одесса: тип. А. Шульце, 1901. 476 с., план, карта).

Мечислав Николаевич пересчитал оставшиеся деньги и еще раз порадовался, что догадался добавить к выданным Давыдовой трем «катым» две собственные. За границей деньги таяли с невиданной скоростью – на одних железнодорожных билетах можно было разориться. Правда, в связи с возобновлением дела о краже бриллиантов родной Департамент обещал выплатить командировочные, но когда это теперь будет! Коллежский секретарь вздохнул, убрал бумажник в карман пиджака и посмотрел в окно – поезд подъезжал к пограничной станции и поэтому едва тащился.

Немец-досмотрщик перевел взгляд с респектабельного пассажира на дешевый чемоданчик Гесслера, который Кунцевич вынужден был таскать с собой, и спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.